

Когда раздался телефонный звонок, Гу Цзэ видел сон.

Во сне он, словно лёгкое облако, падал с неба прямо в оглушительный хор одобрительных возгласов и поздравлений.

Звучало это как прекрасное сновидение, но подсознание упорно подсказывало, что что-то здесь не так. Тягостное, рождённое из ниоткуда ощущение смертельной безысходности накрыло его с головой, точно выброшенную на берег рыбу.

Азэ.

Кто-то звал его.

Гу Цзэ открыл глаза и встретился взглядом с парой тревожных, слегка раскосых глаз.

Это был Чжао Личуань — его университетский сокурсник, а ныне деловой партнёр.

Азэ, тебе приснился кошмар? — Чжао Личуань помог ему сесть и заботливо протянул стакан тёплой воды.

Гу Цзэ отмахнулся, но тот не стал настаивать — просто поставил воду на столик и протянул замолчавший телефон: — Звонил генеральный директор И. Я не стал брать трубку, наверняка снова подгоняет тебя.

Голова у Гу Цзэ раскалывалась. Он прижал пальцы к вискам, пытаясь собрать мысли воедино, и озадаченно переспросил: — Куда подгоняет?

Чжао Личуань на секунду замер, а затем невольно рассмеялся: — Как можно забыть о таком важном деле? Разве ты не собирался сегодня после обеда подписать с директором И соглашение о разводе? А как вернёшься, мы закажем для тебя вечеринку в честь холостяцкой жизни.

...Ах да.

Гу Цзэ чувствовал себя так, будто в его памяти зияла огромная брешь. Лишь спустя долгое время он подал голос.

Заметив странный тон друга, Чжао Личуань несколько раз сменился в лице, но тут же взял себя в руки и с улыбкой произнёс: — Я же говорил, не стоит открывать шампанское на полпути, да только Шан Жун никак не мог усидеть на месте, ещё со вчерашнего вечера рвался всё устроить.

Он бросил взгляд на сидевшего напротив водяного матраса Шан Жун, который обнимал двух подростков и валялся мертвецки пьяный, а затем понизил голос: — Передумал идти?

Нет. — Гу Цзэ ответил быстро, практически не раздумывая. Он и сам на мгновение замер от такой скорости реакции — казалось, он действительно всей душой ненавидел этот брак по расчёту.

Тогда ступай и возвращайся скорее. — Чжао Личуань с улыбкой протянул ему пиджак. — Я забронировал столик в Сихае, буду ждать тебя там.

Гу Цзэ поднялся и взял пиджак. Полумрак отдельной кабины расцветил его профиль переливами цветных огней, скрывая истинные эмоции, и только резкая, ослепительная красота оставалась неизменной.

Чжао Личуань не сводил с него глаз и хотел было сказать что-то ещё, как вдруг услышал: — Не забудь позвать Сяся. Он в последнее время снова капризничает, даже добавил меня в чёрный список вместе с целой толпой народу, но твои звонки, наверное, всё-таки принимает. Скажи ему, что будет вечеринка для холостяков и что сегодня мы подпишем бумаги о разводе, — тогда у него больше не будет повода трепать мне нервы.

Бросив это на ходу, Гу Цзэ направился к выходу и услышал позади смех Чжао Личуаня: — Ну ты сегодня прямо за дело взялся.

Гу Цзэ отмахнулся. Он и сам ещё не до конца разобрался в собственных мыслях, но слова уже сорвались с языка: — Чему суждено случиться, того не миновать.

Дверь открылась и закрылась, и в кабине снова воцарилась тишина.

Велев водителю подать машину, Гу Цзэ вышел прямо к парадному входу и какое-то время постоял на ветру, но легче от этого не стало.

Состояние у него сегодня было скверное.

Иногда люди способны вырваться за пределы привычного кругозора и взглянуть на мир с высоты птичьего полёта — в психологии это называется диссоциацией.

Вот и он сейчас точно так же стоял на самом оживлённом перекрёстке в центре города, чувствуя себя абсолютно отрешенным, а весь окружающий мир казался ему не более чем призрачной иллюзией.

Неужели вчера перепил?..

Гу Цзэ снова потёр виски, размышляя о том, что вздремнет по дороге в машине, как вдруг раздался оглушительный взрыв.

Хлопок — словно рухнуло что-то тяжелое.

Не успел он сориентироваться, как вокруг со всех сторон взлетели испуганные крики.

Человек упал!

Кто-то выбросился из окна!

Это случайно не тот мажор из семьи Гу? Туда ему и дорога! Туда и дорога!

Уловив знакомые слова, Гу Цзэ окинул взглядом весь город А. Если речь заходила о семье Гу и о прославившемся на всю округу избалованном мажоре, это могло значить лишь одно — говорили о нём самом, о Гу Цзэ.

Предчувствуя неладное, он шагнул туда, где толпились люди. Раздвигая плечевые суставы зевая, он протиснулся в самый центр и увидел лежащую на земле груды бесформенного мяса.

Всё было настолько разбито, что без пристального вглядывания невозможно было ничего разобрать. Гу Цзэ присел на корточки и вперил взгляд в эту массу. Наконец, отыскав то место, где должны были находиться черты лица, он содрогнулся, узнав...

Это было его собственное лицо.

Гу Цзэ судорожно втянул воздух, и его тело резко откинуло назад — спина со стуком врезалась в спинку стула, словно душа только что вернулась на своё законное место.

В его персиковых глазах с характерными родинками мелькнуло выражение абсолютной растерянности, а янтарные зрачки напомнили стеклянные бусины.

Он инстинктивно взглянул на собственные руки, проверил лицо, и лишь когда пальцы ощутили цельную, теплую кожу, неистово колотившееся в груди сердце немного успокоилось.

Господин Гу?

Перед ним раздался недоумённый голос. Гу Цзэ поднял голову и встретился взглядом с холодными, отрешенными глазами за линзами очков.

Его друг детства, с которым они росли вместе, его супруг по расчету — И Яньци.

Конечно, голос принадлежал не И Яньци — этот человек нынче нечасто удостаивал кого-либо разговором по душам.

Гу Цзэ перевёл взгляд на адвоката Ли, сидевшего рядом с И Яньци. Сейчас на лице юриста читалось куда больше неподдельного участия и переживания, чем полагалось человеку, вовлеченному в эту запутанную историю длиной в десяток лет: — С вами всё в порядке?

Всё хорошо. — сдержанно отозвался Гу Цзэ. Голос звучал хрипло. Он протянул руку, чтобы сделать глоток кофе и смочить горло, но едва отпил капельку, как во рту отчетливо запахло ржавым железом и кровью. Резко поставив чашку на стол, он схватился за край и занадрывно засуетился, пытаясь сдержать внезапный позыв к рвоте.

Горячий кофе расплескался во все стороны, обдав кипятком небольшой участок кожи на тыльной стороне ладони Гу Цзэ.

Адвокат Ли, разумеется, не мог оставаться в стороне: он тут же поднялся, подошёл выразить беспокойство и принялся похлопывать Гу Цзэ по спине.

В голове у Гу Цзэ царил полный кавардак, к тому же ему было до невыносимости неловко. Желая найти салфетку, чтобы вытереть руку, он заметил, как тонкое белое запястье в часах Panerai с глубоким синим циферблатом качнулось вперед — изящные пальцы прижали к столу клетчатую черно-белую салфетку.

Это был И Яньци.

Для нынешнего генерального директора И подобный жест можно было считать снисхождением.

Из элементарной вежливости Гу Цзэ следовало бы поблагодарить его и взять платок. Но в этот момент он, словно одержимый, уставился на салфетку стеклянным взглядом, а затем подорвался с места так резко, что стул с противным скрежетом проехался по полу, мгновенно привлекая внимание всех посетителей кафе.

Атмосфера вмиг стала жутковатой. Тяжело дыша, Гу Цзэ, охваченный редким для него смятением, бросил на ходу: — Прошу прощения, мне нужно в уборную, — и буквально сбежал.

Прошло не меньше нескольких секунд, прежде чем И Яньци опустил руку и аккуратно убрал нетронутую салфетку обратно.

Сидевший рядом адвокат Ли молча наблюдал за происходящим. Вообще-то он не заметил никаких особенных изменений на привычно холодном лице своего шефа. Но почему-то его пробрало странное чувство: словно где-то глубоко внутри этого казавшегося несокрушимым мужчины поселилось глухое отчаяние или бесконечная печаль — точно тающая и исчезающая

ледяная глыба.

Адвокат Ли поколебался, но всё же заговорил: — Директор И, состояние господина Гу сейчас вызывает вопросы, может, воспользуемся моментом и поговорим ещё раз? Нынешний бракоразводный контракт не в вашу пользу, мне искренне кажется, что вы слишком сильно уступаете.

И Яньци с каменным лицом никак на это не отреагировал. Лишь спустя долгое время он опустил тонкие узкие веки и холодно бросил: — Ты слишком много разговариваешь.

Лицо адвоката Ли окаменело, и он тут же замолчал.

Из крана с шумом хлестала вода. Гу Цзэ снова и снова плескал себе на лицо ледяную воду, отчего виски и пряди волос на лбу намокли и беспорядочно прилипли к коже.

Картинки в голове отказывались исчезать.

Он видел собственное падение, видел толпы людей, празднующих его гибель. И среди них — фигуру человека, чье появление здесь и сейчас казалось абсолютно невозможным: тот шел против течения под черным зонтом, наклонился и накрыл его изуродованное лицо тем самым черно-белым клетчатым платком.

Под зонтом строгое, неподвластное никаким эмоциям лицо застыло в беззвучных слезах.

Следом за этим потрясающе четким видением сознание будто растоптал отряд невидимой конницы. Бесчисленные осколки воспоминаний то сливались воедино, то рассыпались на куски, причиняя невыносимую головную боль.

Гу Цзэ погрузился в состояние глубокой растерянности.

Он всегда был бессердечным гедонистом, с малых лет шел наперекор всем нормам и отличался черствостью в чувствах. Благодаря удачному рождению он получил жизнь избалованного принца, которому золото сыпалось в руки просто так, и за свои двадцать пять лет не потратил ни секунды на раздумья о ценности человеческой жизни, считая любую меланхолию делом законченных глупцов.

И вот в один прекрасный день в его голове начали звучать странные голоса, перед глазами поплыли картины, которые с пугающей живостью втолковывали ему...